

УДК 882(09) «18»

Т.В. Федосеева, М.В. Горемыкина

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В ПРОЗЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА И В.Ф. ОДОЕВСКОГО

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о жанровой характерности утопии и антиутопии. Поставлена проблема соотношения утопии и антиутопии в литературном творчестве писателей романтического периода В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского. Проанализированы и сопоставлены повести «Европейские письма» (1820) и «Земля Безглавцев» (1824) Кюхельбекера с повестями «4338-й год. Петербургские письма» (1835) и «Город без имени» (1839) Одоевского. Выявлена общность романтического сознания писателей, выраженного в рассматриваемых произведениях. Уточняется жанровая специфика проанализированных произведений. В повестях «Европейские письма» и «4338-й год. Петербургские письма» обнаружена утопическая направленность. Представление о будущем человечества в них связано с идеальным образом России. На первый план выдвинут образ гармонически развитой личности. В повестях «Земля Безглавцев» и «Город без имени» обнаружены зачатки антиутопии как вариативного по отношению к утопии жанрового образования. Кюхельбекер и Одоевский приходят к убеждению в бесперспективности практической реализации утверждаемой в просветительской утопии концепции государства. Проведенное исследование показывает развитие утопии и зарождение антиутопии в прозе русских романтиков.

В.К. Кюхельбекер, В.Ф. Одоевский, русская проза 1820–1830-х годов, авторское сознание, жанровая специфика, «Мнемозина», образ России, литературная утопия, зачатки антиутопии.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846) и Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) принадлежат к числу русских писателей, своим творчеством способствовавших развитию новой русской прозы романтического периода 1820–1830-х годов.

Новая русская проза развивалась начиная с последнего десятилетия XVIII века на основе традиций западноевропейской и древнерусской литературы, в направлении «смены источников вдохновения и образцов для подражания», когда на первый план вышли «самобытные национальные формы и жанры литературы»¹. Базовыми для ее становления стали жанры не только художественной, но и так называемой «альтернативной прозы» (письмо, записки, дневник)². Исследуя жанровое

¹ Русский и западноевропейский классицизм. Проза / отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 1982. С. 299.

² Билинkis М.Я. Русская проза XVIII века: документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1995. 102 с.; Сахаров В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки. М., 2002. С. 13–15; Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в ме-

своеобразие русской прозы предромантического и романтического периодов, В.Ю. Троицкий выделяет как особо показательную фантастическую повесть, «своеобразный русский роман-утопию», авторы которой «сознательно противопоставляли реальной действительности выдуманные ими картины “счастливой жизни”»³.

Поиски форм для выражения нового понимания человека, его сущности, отношения к внешнему миру, человеческой судьбы увенчались успехом в творчестве Н.М. Карамзина, в прозе которого сочетался интерес к жизни обыкновенного человека и одновременно к высшему, сакральному содержанию⁴. Важнейшим достижением писателя стал, по наблюдению Т.А. Алпатовой, «новый взгляд на мир автономной, свободной, открытой всем впечатлениям бытия и в то же время нравственно самодостаточной личности»⁵. Таким образом, ключевыми моментами, определившими базу для творческих поисков в русской прозе романтического периода, были жанровый и антропологический.

Именно с этих позиций мы считаем значительным вклад В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского в развитие русской прозы 1820–1830-х годов.

Известно, что писателей, практически одновременно включившихся в литературную жизнь, связывала личная дружба. Особенно значимыми в этом отношении были 1823–1825 годы, период их совместной работы по изданию литературного альманаха «Мнемозина». После событий 1825 года Кюхельбекер оказался в заключении, в ссылке, и практически был исключен из литературной жизни. Дружеские отношения, связывавшие писателей, были прерваны, однако их общение продолжилось в письмах. Сложившаяся мировоззренческая общность обеспечила явную преемственность Одоевского по отношению к Кюхельбекеру как старшему и более опытному литератору. В письме от 3 мая 1845 года Кюхельбекер, обращаясь к «старому товарищу по журнальному поприщу», утверждал: «Ты, напротив, наш; тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художественной красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас!»⁶.

В совместном издании альманаха «Мнемозина» двух авторов мировоззренчески объединяли, прежде всего, традиции романтического идеализма, восходившего к классической немецкой философии. Оба надеялись на воплощение в жизнь идеалов добра и справедливости. В творчестве В.К. Кюхельбекера 1820-х годов этим стремлением обусловлено обращение к жанровой традиции литературной утопии, которая в 1830-х годах оказалась привлекательной и для В.Ф. Одоевского.

муарно-эпистолярной литературе русского Просвещения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2010. 55 с.

³ Троицкий В.Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. С. 314.

⁴ Русская проза эпохи Просвещения: новые открытия и интерпретации / под ред. Э. Малэк. Łódź, 1996. С. 104.

⁵ Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М., 2012. С. 557.

⁶ Кюхельбекер В.К. Письмо В.К. Кюхельбекера князю В.Ф. Одоевскому. URL : http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0440oldorfo.shtml (дата обращения: 07.07.2014).

В последнее время в российском литературоведении активно изучаются утопия и антиутопия, однако проза В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского в этом контексте отдельно не рассматривалась. Имеются лишь частные наблюдения некоторых ученых. Об утопиях В.Ф. Одоевского пишет Г.М. Пономарева в работе «Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века» (1996). В исследовании И.А. Калинина «Русская литературная утопия XVIII–XX вв.: проблемы поэтики и философии жанра» (2002) некоторое внимание уделено повести Одоевского «4338-й год. Петербургские письма». А.А. Файзрахманова в исследовании «Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции» (2011) упоминает произведения Кюхельбекера и Одоевского, обращаясь к вопросу жанровой эволюции русской утопии ⁷.

В данной статье сопоставляются повести В.К. Кюхельбекера «Европейские письма» (1820) и «Земля Безглазцев» (1824) с повестями В.Ф. Одоевского «4338-й год. Петербургские письма» (1835) и «Город без имени» (1839) с целью уточнения жанровой специфики произведений двух писателей и их вклада в развитие русской прозы первой трети XIX века. Для детального изучения нами выделены уровни авторской субъективности и поэтики жанра (композиция, хроно-топ, ведущие мотивы и образы).

Литературные отношения двух писателей, как указывал Н.И. Мордовченко, складывались «на почве заинтересованности романтической теорией искусства» ⁸. Их объединяли размышления философско-эстетического характера.

В развернутом виде эстетические взгляды В.К. Кюхельбекера представлены в книге путевых записок «Путешествие», отразившей впечатления от заграничной поездки поэта, состоявшейся в 1820–1821 годах и отдельными частями опубликованной в альманахе «Мнемозина» (М., 1824. Ч. II–IV). Обобщая свои рассуждения о природе художественного творчества, писатель делает вывод о том, что художника приближает к совершенству «чувство, воображение, обдуманность и плод вдохновения – идеал...» ⁹. Для Кюхельбекера искусство – область возвышенного и героического. Вернейшим признаком поэтической души он называл «страсть к всему высокому и прекрасному», утверждая, что не может быть в творчестве каких-то общих правил ¹⁰.

Взгляды В.Ф. Одоевского носят в большей степени теоретический, отвлеченный характер. Уже в период обучения в Благородном пансионе при Московском университете (1816–1822) он был увлечен философией и эстетикой, зани-

⁷ Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996. 219 с. ; Калинин И.А. Русская литературная утопия XVIII–XX вв.: проблемы поэтики и философии жанра : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 247 с. ; Файзрахманова А.А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции : дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 233 с.

⁸ Мордовченко Н.И. Веневитинов и поэты-любомудры // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. VI : Литература 1820–1830-х годов. М., 1953. С. 450.

⁹ Кюхельбекер В.К. Путешествия. Дневники. Статьи. Л. : Наука, 1979. 779 с. С. 35.

¹⁰ Кюхельбекер В.К. Письмо из Марселя 31/19 января 1821 г. // Мнемозина. Ч. 4. С. 70.

мался переводами из древних и новых авторов. Его дебют в печати состоялся именно в качестве переводчика, это были переводы с немецкого, опубликованные в «Вестнике Европы» в 1821 году. Под влиянием эстетики Ф.В.И. Шеллинга Одоевский выработал собственную эстетическую систему, выделяя в художественном творчестве три составляющие: пластику («дух стремится соделать себя предметом»); музыку («предмет возвышается до духа»); поэзию («дух делается тождественным с предметом, конечное борется с бесконечным, определенное с неопределенным») ¹¹. Как и Кюхельбекер, Одоевский находил в искусстве жизнь духа, замечая в поэзии соединение изобразительного и выразительного начал. При этом он утверждал, что, несмотря на неповторимый характер творчества каждого поэта, существует нечто объединяющее их. И это – философия, выработанная на том или ином этапе развития человеческой мысли. В философии, писал Одоевский, «нельзя быть оригинальным; в поэзии – должно» ¹².

Совместная деятельность В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского по изданию альманаха «Мнемозина» началась в 1823 году. Всего вышло из печати четыре выпуска – три в 1824 и последний в 1825 году. Кюхельбекер занимался наиболее близкими ему направлениями критики и поэзии, а Одоевский – belletristikой, публицистикой и философией, а также административной деятельностью. Издатели старались осветить широкий круг проблем, о чем говорили названия отделов альманаха: «Философия», «Военная история», «Изящная проза», «Стихотворения», «Путешествия», «Критика и антикритика», «Смесь». Первый выпуск альманаха имел большой успех. Авторами его были, помимо самих издателей, широко известные литераторы (П.А. Вяземский, Е.А. Боратынский, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов, А.А. Шаховской) и малоизвестные (С.Д. Нечаев, С.Е. Раич, Н.Ф. Павлов, А.А. Писарев). Появление нового издания было замечено журналами «Сын отечества», «Литературные листки», «Северный архив», «Благонамеренный», «Новости литературы», «Дамский журнал», на страницах которых возникла полемика по эстетико-философским вопросам.

Хотя эстетические позиции В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского не вполне совпадали, их объединяла патриотическая мысль о необходимости развития национальной поэзии. Эта мысль определяла содержание литературного альманаха. По мнению Т.К. Батуровой, основная задача его издателей «состояла в распространении на русской почве учения немецких философов-идеалистов и в выработке на его основе своих литературных концепций, прежде всего утверждение народности и самобытности» ¹³.

Для В.К. Кюхельбекера понятия истинного романтизма и народности не просто связаны друг с другом, они синонимичны. В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824), опубликованной в «Мнемозине», он говорит о том, что поэты должны обратить свое внимание на

¹¹ Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 1. М., 1913. С. 165.

¹² Там же. С. 162.

¹³ Батурова Т.К. Пушкин и альманах «Уrania» // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8. С. 59.

народное творчество и фольклор. В неопубликованных записках В.Ф. Одоевского, исследованных П.Н. Сакулиным, речь также идет о национальной самобытности духовной жизни народа, выраженной в творчестве. Развивая идеи Шеллинга, Одоевский утверждает соответствие «характера литератур» «характерам народов», видит «основание красоты не в природе, но в Духе человеческом»¹⁴, а потому любое подражание в творчестве считает бесперспективным.

В.К. Кюхельбекер призывает отказаться от подражательности в литературном творчестве и сделать поэзию «самобытной и народной». «Подражатель не знает вдохновения: он говорит не из глубины собственной души, а принуждает себя пересказать чужие понятия и ощущения», – писал он¹⁵. По мнению Н.И. Мордовченко, опубликованная в «Мнемозине» статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) «явилась поворотным пунктом в борьбе за романтизм в 20-е годы»¹⁶. Вопрос об истинности романтизма решался двумя авторами весьма схожим образом: оба утверждали идею свободной, самобытной и национально русской поэзии.

В публикациях «Мнемозины» выражались мировоззренческие позиции двух авторов-издателей. Каждому из них был свойствен романтический идеализм и, как следствие, резкая критика несовершенной современности и устремленность в будущее, что и предопределило обращение к традиции литературной утопии. В романтической утопии, по справедливому суждению И.А. Тертерян, реализовался один из основных принципов творчества – жизнестроительство. Исследовательница пишет: «Жизнетворчество было проявлением утопизма, имманентно присущего всему романтизму. Крах жизнестроения лишь усиливал утопическое начало, переводя все упования из реального в сугубо идеальный план»¹⁷. Романтическая утопия предполагала утверждение идеалов гармоничной и активно преобразующей мир личности, национального единства и единства человека и природы.

Повесть В.К. Кюхельбекера «Европейские письма» была впервые опубликована в журналах «Соревнователь просвещения и благотворения» и «Невский зритель», а позднее и в «Мнемозине» (1824). Она составлена из 12 писем «наблюдателя-странника», адресованных другу. Таким образом, реализуется основной структурообразующий принцип утопии – диалогический характер нарратива¹⁸. В предисловии автор предлагает читателю мысленно перенестись в будущее. Он пишет: «...чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, должно мысленно перенестись в другое время»¹⁹.

¹⁴ Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. С. 162.

¹⁵ Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 456.

¹⁶ Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М. ; Л., 1959. С. 220.

¹⁷ Тертерян И.А. Романтизм // История всемирной литературы : в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 24.

¹⁸ Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии 1900–1910-х годов. С. 137.

¹⁹ Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.). М., 1977. С. 102.

Герой повести, молодой американец, совершает путешествие по Европе XXVI века и становится свидетелем полной деградации и одичалости целых народов. Его поражает их безнравственность и невежество на фоне воспоминания о процветании народов в прошлом. Из слов рассказчика следует, что это прошлое только кажется великолепным. На самом деле, «просвещенной» Европе времен Вольтера и Фридриха были присущи «гонения на людей мыслящих», «заблуждения физиократов», «коварная политика Наполеона». Государственное устройство в Европе прошлого было далеко не безоблачным, повсеместно нарушались права человека. Лишь теперь, в XXVI веке, заверяет путешественник, настало «счастливое время, когда политика и нравственность одно и то же, когда правительства и народы стремятся к одной цели»²⁰. Это «счастливое время» обусловлено нравственным совершенствованием человека, его отказом от эгоистических побуждений. Настало оно не только для народов, живущих в Северной Америке, но и для народов Азии, Африки – тех, которые избежали растлевающего воздействия «ложного» европейского просвещения.

В «Европейских письмах» В.К. Кюхельбекера идеальное общество подробно не описывается. Свое внимание автор останавливает на образе идеального правителя. В одной из колоний в Калабрии, «земле, которая в европейской истории была известна грубостью и дикостью своих жителей», герой находит российское поселение, где «много людей истинно просвещенных и образованных», и знакомится со старшиной по фамилии Добров²¹. Этот человек характеризуется как благоразумный, искренний, тонкий, глубокий. «...Владея неисчерпаемым источником чувствительности, он редко выражает чувства своими словами <...> потому, что знает, как недостаточно слово для выражения всего происходящего внутри нас, потому что видит, как озабочены его ближние трудами и обязанностями жизни, отнимающими у них досуг и способность вслушиваться в голос постороннего сердца», «свое счастье полагает единственно в наслаждении добродетелию»²².

Доброву как совершенному человеку знакомы все виды духовных наслаждений: «музыка, умный и выдержанный разговор с человеком просвещенным и глубокомысленным, сладостные мечтания в уединении на берегу шумного потока или под ропот источника, бегущего в сумраке деревьев, резвость и шутки в кругу молодых красавиц и их обожателей, поэзия всех народов и всех веков <...> важная беседа с мудрецами и бытописателями веков минувших»²³. Ценит он и телесные наслаждения, среди которых – «звериная ловля <...> удовольствия роскошной азиатской купальни, веселия сократической трапезы и изобилие пиров лукулловых»²⁴. Образ предводителя русской общины, таким образом, воплощает собой идеал гармоничной личности, совмещающей высокий уровень интеллекта с тонким эстетическим чувством и высокой нравственностью.

²⁰ Там же. С. 107.

²¹ Там же. С. 117.

²² Там же. С. 118.

²³ Там же. С. 118.

²⁴ Кюхельбекер В.К. Европейские письма. С. 119.

В русской общине царит взаимопонимание и уважительное отношение людей друг к другу. Правление Доброва основывается на его твердом убеждении, что главное – это уважительное отношение людей друг к другу и способность в любых обстоятельствах оставаться человеком. Будучи универсально образованным и разносторонне развитым, Добров снисходителен к слабостям других людей. Важнейшим достоинством человека он считает гражданственность, воспитание которой с детского возраста, по его убеждению, важнее, чем образование, отнюдь не меньшая, чем «образованность нравственная, эстетическая, религиозная, ученая, даже физическая», и только все вместе поможет сформировать «истинного человека»²⁵.

Герой-путешественник смотрит на Европу XXVI века глазами человека, имеющего вполне определенное представление об идеальном обществе и оценивает увиденное с точки зрения идеала. Очевидно, что его взгляд – это взгляд самого автора. В самом начале своего жизненного и творческого пути Кюхельбекер верил в совершенствование человечества. Его идеал предполагает внутреннее развитие человека, становящееся залогом идеальных, бесконфликтных общественных отношений.

Своеобразным продолжением темы идеального общества в далеком будущем стала незавершенная повесть В.Ф. Одоевского «4338-й год». Отрывок из повести был впервые опубликован в 1835 году в журнале «Московский наблюдатель» под псевдонимом В. Безгласный и с подзаголовком «Петербургские письма», перекликающимся с названием повести В.К. Кюхельбекера²⁶. Именно «Европейские письма» Кюхельбекера «по широте охвата истории, по своему просветительскому пафосу и вере в великое будущее России» предвосхищает повесть Одоевского «4338-й год»²⁷. Содержательно повести двух авторов, как отмечали их современники, сближает убежденность в великом будущем России, в частности, В.Г. Белинский писал, что главная мысль Одоевского основана на твердом «веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирооъемлющую судьбу России, мысль истинная и высокая, вполне достойная таланта истинного»²⁸.

Жанровая структура повести ориентирована на утопическую традицию – в ее основании рассказ человека будущего о совершенном мироустройстве. Большое внимание в письмах путешественника уделяется описанию пространства, в котором разворачивается действие, а также нравов и обычаев, определяющих жизнь в обществе. Героем повести Одоевского является Ипполит Цунгиев, студент Главной пекинской школы, который пишет о путешествии по России своему другу, студенту той же школы Лингину, с вос-

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Полный текст повести (не завершенной автором) был опубликован лишь в 1926 году в издательстве «Огонек» под названием «4338 год. Фантастический роман».

²⁷ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. М., 1995. С. 46.

²⁸ Цит. по: О некоторых рецензиях, приписанных Белинскому. Сообщения Б. Белова, В. Кулешова, Ю. Оксмана, В. Потявина и др. URL : http://www.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2057/22_%D0%9E%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D1%85%20%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B8_vol57.pdf

хищением рассказывая о достижениях передовой и просвещенной России XXXXIV века.

Россия будущего у Одоевского – огромное государство, охватывающее оба полушария. Главным условием процветания страны является просвещение и научный прогресс. Ее жители смогли победить даже суровый северный климат, благодаря особой системе протянутых от экватора теплопроводов. Теплый воздух попадает в дома, сады, а также на воздушные пути, по которым передвигаются аэростаты и гальваностаты. Достижения русских людей путешественник объясняет высоким уровнем развития наук и просвещения народа. «Удивительная ученость, и еще более удивительная изобретательность в этом народе!» – замечает он ²⁹. В своем развитии страна достигла небывалых высот, и никакая другая не может с ней сравниться. По словам Ипполита Цунгиева, китайцы стараются подражать русским во всем: в одежде, обычаях, архитектуре, литературе, искусстве. В сюжете повести воплотилась утопическая мечта Одоевского о господстве разума: «Россия стала центром просвещения, к которому стремились приобщиться все другие народы мира, ориентируясь на ее опыт и достижения» ³⁰. Писатель твердо верит в великое предназначение России, ее особенную судьбу и славное будущее, в котором совершенное и гармоничное общество будет процветать.

Технические достижения в России не мешают распространению и развитию наук и искусств. В этом обществе необычайно сильна любовь к знаниям. Человек, не совершивший какого-нибудь открытия, считается недорослем. Доминирующая роль науки и искусства в обществе обусловлена тем, что правящую элиту здесь составляют ученые и поэты. Так, Государь «сам принадлежит к числу первых поэтов» ³¹. Высшее общество составляют «Министр философии, Министр изящных искусств, Министр воздушных сил, поэты и философы, и историки первого и второго класса» ³².

Важное значение в обществе придают подготовке будущих членов правительства: они обучаются в училище государственных людей, куда могут поступить ученики из различных учебных заведений; «по выдержании строгого экзамена они присутствуют в продолжение нескольких лет при заседаниях Государственного совета для приобретения нужной опытности; из сего рассадника они поступают прямо на высшие государственные места» ³³. Все они отличаются высокой самодисциплиной и развитым умом, а также лучшими душевными качествами – добротой, высокой ответственностью, чувством справедливости.

Быт людей в России будущего устроен рационально и одновременно близко к природному ритму: они встают в четыре часа утра, обедают в двенадцать, вечер начинается в пять часов пополудни, ужин в восемь, а в девять все ложатся

²⁹ Одоевский В.Ф. 4338-й год // Взгляд сквозь столетия. М., 1977. С. 246.

³⁰ Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века: эволюция, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 215.

³¹ Одоевский В.Ф. 4338-й год. С. 269.

³² Там же. С. 259.

³³ Там же.

спать. В обществе особым образом организован досуг. Посетив светский прием и познакомившись с высшим обществом, герой отмечает, что люди научились ценить свое время и не тратят его на пустые разговоры: «спрашивать кого-нибудь о здоровье, о его делах, о погоде или вообще предложить пустой вопрос считается большою неучтивостью», зато если разговор все же начинается, то ведется он горячо и живо. В обществе не приняты рукоплескания и комплименты, так как «всякий знает степень своего искусства»³⁴. Большое значение власти придают воспитанию. Дети получают разностороннее воспитание, их обучают чтению, письму, другим наукам и искусствам. Забота о физическом здоровье человека – тоже вопрос воспитания. Весь жизненный уклад способствует усовершенствованию человеческой природы – люди избавляются от привычных слабостей и дурных наклонностей.

Развлечение людей составляют музыка и созерцание красоты природы. Практикуемые в обществе коллективные сеансы магнетизма в немалой степени способствуют укреплению социальных, а также семейных отношений: «...распространение магнетизации совершенно изгнало из общества всякое лицемерие и притворство: оно, очевидно, невозможно»³⁵. Примером совмещения гармоничной природы и человеческого гения является необыкновенный музыкальный инструмент, который носит название «гидрофон». Его клавиши прикреплены к бассейну, «соединены с отверстиями, из которых по временам вода падала на хрустальные колокола и производила чудесную гармонию. Иногда вода выбегала быстрою, порывистою струей, и тогда звуки походили на гул разъяренных волн, приведенный в дикую, но правильную гармонию; иногда струи катились спокойно, и тогда как бы из отдаления прилетали величественные, полные аккорды; иногда струи рассыпались мелкими брызгами по звонкому стеклу, и тогда слышно было тихое, мелодическое журчание»³⁶. Подробное описание «гидрофона», занимающее центральное место в повести Одоевского, не случайно. Музыка отводилось центральное место в системе его эстетических взглядов. Писатель проявлял устойчивый интерес к народной музыке, стремясь постичь особые, отличные от профессиональной, законы гармонии. Он считал, что характер исполняемой в обществе музыки дает представление о моральном его состоянии. Уникальный инструмент в идеальном мире символизирует государственное устройство, не знающее противоречий, в частности гармонию человека и природы.

Повести В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского написаны в форме писем от имени молодых путешественников. Сходны сюжеты произведений. Оба главных героя во время своего путешествия попадают в некий фантастический мир, где оказываются решенными многие проблемы социального и нравственного существования человека. В повестях представлен самодостаточный мир: это русская колония в Каларбии у Кюхельбекера и Россия, ставшая в отдаленном

³⁴ Одоевский В.Ф. 4338-й год. С. 256.

³⁵ Там же. С. 256.

³⁶ Там же.

будущем огромным по площади и передовым по уровню развития государством, у Одоевского.

По типу повествования, воссозданному в произведениях хронотопу, характерологии, они вполне отвечают традиции жанра литературной утопии. Герои-путешественники стремятся узнать как можно больше о новом для них мире, уделяя внимание вопросам государственной и частной жизни, а также бытовым вопросам. Они знакомят читателя с этим миром, сообщая о своих наблюдениях и впечатлениях, оценивая увиденное. Несомненно, оценка изображенному обществу дается с позиции того идеала, который разделяет сам автор. Роднит эти повести также и дидактизм, характерный для утопии. «Авторы утопий стремились представить те нравственные нормы поведения и качества характера, которыми должен обладать человек в образцовом обществе», – пишет Ануфриев³⁷. Это становится очевидным, когда читатель ближе знакомится с жизненным укладом и традициями общества будущего.

Вопрос о возможности достижения социального идеала решается авторами проанализированных повестей через утверждение высоконравственной личности правителя, всесторонне развитой, сочетающей высокий уровень образования и научное знание о мире с развитым эстетическим чувством. В обеих повестях идеальный человек облечен властью и является правителем народа. Правление каждого из них обеспечивает абсолютное процветание общества, полную гармонию отношений между людьми. Конфликты в совершенном обществе невозможны – ничто не может потревожить слаженный и незыблемый жизненный уклад. Кюхельбекер и Одоевский создают совершенный мир, не требующий более никаких изменений.

Несомненная преемственность «Петербургских писем» В.Ф. Одоевского по отношению к «Европейским письмам» В.К. Кюхельбекера не помешала последнему критически отнестись к «Петербургским письмам». Познакомившись в 1841 году с неоконченной повестью Одоевского, опубликованной в альманахе «Утренняя заря», Кюхельбекер заметил, что все – и проза и стихи, вошедшие в этот выпуск альманаха, – «довольно пошло, а кое-что ниже посредственного»³⁸. Вероятно, такой отзыв был обусловлен тем, что Кюхельбекер довольно рано отошел от утопических мечтаний, разочаровавшись в просветительских идеалах государственного строительства. Уже в 1824 году им была написана повесть «Земля Безглавцев», в которой обнаруживаются антиутопические начала.

Герой повести, совершая прогулку на воздушном шаре, попадает на Луну в страну Акефалия (Безголовый), а точнее в ее столицу – город Акардион (Бессердечный). Народ, населяющий эту страну, называется Безглавцами. Путешественник отмечает кажущуюся внешнюю привлекательность подлунного мира. Он видит «большой город, обсаженный пашкетовыми [паштетовыми. – Т.Ф., М.Г.] и пряничными деревьями», выстроенный «из ископаемого леденца; его обмывала река Ли-

³⁷ Одоевский В.Ф. 4338-й год. С. 47.

³⁸ Кюхельбекер В.К. Дневник (1831–1845) // Путешествия. Дневник. Статьи. С. 394.

монад, изливающаяся в Шербетное озеро»³⁹. Но эта привлекательность носит ограниченный характер – речь идет лишь о материальном благополучии.

Страну населяет необычный народ – большинство людей не имеют голов и сердец. Такими их делает особая программа воспитания: «...зажиточные родители к новородившимся младенцам приставляют наемников, которые до двадцатилетнего их возраста подпиливают им шею и стараются вытравить сердце: они в Акефалии называются воспитателями»⁴⁰. Только черни позволено сохранять абсолютно не нужные, по мнению безглавцев, сердце и голову. Лишенных голов и сердец жителей отличает особая жестокость и по отношению к себе, и к окружающим – они имеют неутолимую страсть к палочным ударам, которые становятся разменной монетой в отношениях между людьми: «Сею жаждою мучатся почти все: старцы и юноши, мужчины и женщины, рабы и вельможи»⁴¹. Общество безглавцев насквозь фальшиво, в нем царит ложь и притворство, все сводится к пустым разговорам.

Негативные стороны общества будущего показаны также и в повести В.Ф. Одоевского «Город без имени», которая вошла в состав книги «Русские ночи», опубликованной в 1844 году. В.К. Кюхельбекер высоко оценил это произведение, назвав его «умнейшей книгой на русском языке». В своем дневнике он писал: «...сколько поднимает он [Одоевский. – Т.Ф., М.Г.] вопросов! Конечно, ни один почти не разрешен, но спасибо и за то, что они подняты, – и в Русской книге!»⁴². Острые социально-философские вопросы были в одинаковой степени интересны обоим писателям и разрешение их они искали, обращаясь к прошлому, настоящему, будущему России, создавая вымышленный, фантастический мир.

Герой повести «Город без имени» путешествует вместе с товарищем и от случайно встреченного «странного» человека узнает о некогда великой стране, которая разрушила сама себя и ныне не существует: «...у этой страны нет имени – она недостойна его; некогда она носила имя – имя громкое, славное, но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом; мне не позволено снимать завету с этого таинства»⁴³.

Когда-то страна процветала, ее граждане без устали трудились, обеспечивая свое благополучие: «с раннего утра жители всех сословий поднимались с постели, боясь потерять понапрасну и малейшую частицу времени, – и всякий принимался за свое дело: один трудился над машиной, другой взрывал новую землю, третий пускал в рост деньги – едва успевали обедать»⁴⁴. Легендарный основатель этой страны был учеником И. Бентама – английского философа и социолога, основоположника утилитаризма. Он утвердил в качестве принципа, регулирующего государственное устройство, личную выгоду.

³⁹ Кюхельбекер В.К. Дневник (1831–1845). С. 124–125.

⁴⁰ Кюхельбекер В.К. Земля Безглавцев // Взгляд сквозь столетия. С. 125.

⁴¹ Там же. С. 127.

⁴² Кюхельбекер В.К. Дневник (1831 – 1845). С. 423.

⁴³ Одоевский В.Ф. Город без имени // Взгляд сквозь столетия. С. 225.

⁴⁴ Там же. С. 228.

В повести Одоевского жители мифического государства, исключившие из жизни все то, что не обладает материальной ценностью, в погоне за благополучием потеряли всякое понятие о добре и справедливости. Безжалостность бентамитов простиралась далеко за пределы их страны, превращая в колонии те территории, которые показались им «весьма удобным местом для так называемой *эксплуатации*»⁴⁵. Постепенно они разорили эту колонию, используя самые безнравственные способы: «задерживали разными хитростями провоз к ним необходимых вещей и потом продавали им свои втридорога»; предпринимали «весьма удачные банкротства, от которых у них упали фабрики»; ссорили «с другими колониями, помогали им в этих случаях деньгами», извлекая выгоду из специально организованного военного конфликта; «завлекали их в биржевую игру и посредством искусных оборотов были постоянно в выигрыше»⁴⁶. Таким образом, государство, уклад которой определялся научной доктриной Бентама, стремясь к расширению собственных границ, уничтожило многих соседей.

Рассказчик подчеркивает, что жители страны были люди «более или менее образованные, одаренные любовью к наукам и искусствам, отличавшиеся изысканностью вкуса, привычкою к изящным наслаждениям»⁴⁷. Хорошее воспитание не помешало им, стремясь к усилению и укреплению монополии, действовать самыми безнравственными методами – «лестию, коварством, деньгами, угрозами». Страна процветала некоторое время, богатели, пока при попытке в очередной раз расправиться с соседней колонией, мнения жителей разделились. Государство распалось на две части: одна объявила соседям войну, а другая заключила торговый договор. Жители каждой части теперь думали только о собственной пользе. Начались внутренние распри и конфликты. Вскоре это государство пришло в упадок, а потом и вовсе рухнуло, люди же одичали и погибли.

С точки зрения пользы в этом обществе решались абсолютно все вопросы, даже необходимость строительства храма и театра. Одни утверждали, что «храм <...> не может приносить никакой осязательной пользы», другие говорили, что он необходим, «дабы проповедники могли беспрестанно напоминать обитателям, что польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека»⁴⁸. С последним заявлением согласились, и храм был построен. Театр же был устроен с одним условием: «если все представления на нем будут иметь целью доказать, что польза есть источник всех добродетелей и что бесполезное есть главная вина всех бедствий человека»⁴⁹. Все духовные ценности в обществе замещались материальными. Именно в этих условиях обитатели страны привели себя к самоуничтожению.

Описанные в повестях В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского фантастические государства объединяет рациональное устройство жизни. Духовные и нрав-

⁴⁵ Одоевский В.Ф. Город без имени. С. 229.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 227.

⁴⁸ Там же. С. 227–228.

⁴⁹ Там же. С. 227–228.

ственные основания жизни полностью исключены из отношений в земле безглавцев и в стране бентамитов. Жители этих необыкновенных мест очень похожи: формы духовной жизни они заменили либо пустой словесной игрой, либо погоней за материальной выгодой. Так, акефалийцы, отказавшись от головы, не теряют голос, а становятся чревовещателями, более того, «приобретают необыкновенную быстроту и легкость в разговорах; одно слово перегоняет у настоящих Безглавцев другое; каламбуры, эпиграммы, нежности взапуски бегут подобно шумному, неиссякному водопаду, извергаются и потрясают воздух»⁵⁰. Благодаря этому их словесность процветает: печатается большое количество политических и ученых ведомостей, вестников, а также модных журналов. У бентамитов Одоевского есть головы и сердца, однако они оказываются им ненужными. Поэзия в обществе умерла, так как не имеет никакой пользы и ее существование идет в разрез с общественными устоями. Книги у бентамитов посвящаются только вопросам практической пользы: «Девушка вместо романа читала трактат о прядильной фабрике; мальчик лет двенадцати уже начинал откладывать деньги на составление капитала для торговых оборотов»⁵¹. Все чувства, все мысли, все побуждения человека ограничиваются вопросами настоящей минуты.

В повестях В.К. Кюхельбекера «Земля Безглавцев» и В.Ф. Одоевского «Город без имени» до крайности доведены научные и философские идеи, показана их губительность для человека. Реализовавшие эти идеи якобы идеальные миры оборачиваются своей противоположностью. Утопия приобретает значение антиутопии. В финале повести «Земля Безглавцев» путешественник с отвращением покидает эту землю, вынося ее жителям безжалостный приговор: «Безглавцы омерзели мне по своему нелепому притворству»⁵². Он стремится покинуть этот мир как можно скорее. Сообщивший историю бентамитов «странный» незнакомец предупреждает о страшной перспективе для мира, ориентированного на материальные ценности и плотские удовольствия. «Вы, жители других стран, вы, поклонники злата и плоти, поведайте свету повесть о моей несчастной отчизне...» – заключает он⁵³.

Сопоставительный анализ произведения В.К. Кюхельбекера и В.Ф. Одоевского убедительно показывает, что утопическое сознание писателей романтического периода динамически развивалось. Первоначально в своих утопических произведениях идеальное устройство мира они связывали с развитием науки и искусства, позднее указывали на опасности увлечения рационалистическими принципами государственного строительства и пренебрежения духовными ценностями. Начиная с утопических мечтаний в повестях «Европейские письма» и «4338-й год», писатели приходят к критическому переосмыслению надежд на идеальное устройство общества в повестях «Земля Безглавцев» и «Город без имени». Однако прогноз, который они дают на будущее, не совсем пессимистичен, писатели стремятся преду-

⁵⁰ Кюхельбекер В.К. Земля Безглавцев. С. 126.

⁵¹ Одоевский В.Ф. Город без имени. С. 228.

⁵² Там же. С. 127.

⁵³ Там же. С. 239.

предить общество о грозящих ему неблагоприятных последствиях одностороннего развития, но не теряют веры в торжество нравственности, духовности и человеческого разума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алпатова, Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования [Текст] : моногр. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 559 с.
2. Ануфриев, А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века.: эволюция, поэтика [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2002. – 381 с.
3. Артемьева, Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения [Текст]. – СПб. : Алетейя, 2005. – 496 с.
4. Батунова, Т.К. Пушкин и альманах «Уrania» [Текст] // Российский литературоведческий журнал. – 1996. – № 8. – С. 56–64.
5. Билиннис, М.Я. Русская проза XVIII века: документальные жанры. Повесть. Роман [Текст]. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 1995. – 102 с.
6. Зеньковский, В.В. История русской философии [Текст]. – 2-е изд. – Paris : YMCA press, 1989. – Т. 1. – 469 с.
7. Калинин, И.А. Русская литературная утопия XVIII–XX вв.: проблемы поэтики и философии жанра [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 247 с.
8. Ковтун, Н.В. Роман В.Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России [Текст] // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2004. – Вып. 5. – Т. 307. – С. 179–183.
9. Кюхельбекер, В.К. Европейские письма [Текст] // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.) / сост. В. Гуминский. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 100–122.
10. Кюхельбекер, В.К. Земля Безглазцев [Текст] // Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.) / сост. В. Гуминский. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 123–127.
11. Кюхельбекер, В.К. Письмо В.К. Кюхельбекера князю В.Ф. Одоевскому. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0440ol-dorfo.shtml (дата обращения: 07.07.2014).
12. Кюхельбекер, В.К. Путешествия. Дневник. Статьи [Текст]. – Л. : Наука, 1979. – 779 с.
13. Маймин, Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://odoevskiy.lit-info.ru/review/odoevskiy/009/873.htm> (дата обращения: 10.07.2014).
14. Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером [Текст]. – М., 1825. – Ч. IV. – 233 с.
15. Мордовченко, Н.И. Веневитинов и поэты-любомудры [Текст] // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Т. VI : Литература 1820–1830-х годов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 448–459.
16. Мордовченко, Н.И. Русская критика первой четверти XIX века [Текст] : моногр. – М. : Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1959. – 431 с.

17. О некоторых рецензиях, приписанных Белинскому. Сообщения Б. Белова, В. Кулешова, Ю. Оксмана, В. Потявина и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2057/22_%D0%9E%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D1%85%20%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B8_vol57.pdf (дата обращения: 01.07.2014).
18. Одоевский, В.Ф. 4338-й год [Текст] // Взгляд сквозь столетия (русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.) / сост. В. Гуминский. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 240–274.
19. Одоевский, В.Ф. Город без имени [Текст] // Взгляд сквозь столетия (русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.) / сост. В. Гуминский. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 223–239.
20. Одоевский, В.Ф. Сочинения [Текст] : в 2 т. – Т. 1 : Русские ночи. Статьи. – М. : Худож. лит., 1981. – 365 с.
21. Пономарева, Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века [Текст] : дис. ... д-ра филос. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1996. – 219 с.
22. Приказчикова, Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 55 с.
23. Русская проза эпохи Просвещения: новые открытия и интерпретации [Текст] / под ред. Э. Малэк. – Łódź, 1996. – 234 с.
24. Русский и западноевропейский классицизм. Проза [Текст] / отв. ред. А.С. Курилов. – М. : Наука, 1982. – 391 с.
25. Сакулин, П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель – писатель [Текст]. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1913. – Т. 1. – Ч. 1. – 622 с.
26. Сахаров, В.И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки [Текст]. – М., 2002. – 216 с.
27. Сахаров, В.Я. О жизни и творениях В.Ф. Одоевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0290.shtml (дата обращения: 07.07.2014).
28. Тертерян, И.А. Романтизм [Литературы Западной Европы первой половины XIX в.] [Текст] // История всемирной литературы : в 9 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1989. – Т. 6. – С. 16–27.
29. Файзрахманова, А.А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов: проблемы жанровой трансформации в контексте традиции [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Бирск. гос. пед. ун-т. им. М. Акумуллы. – Бирск, 2011. – 216 с.
30. Шестаков, В.П. Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры [Текст] : моногр. – М. : ВЛАДОС, 1995. – 207 с.

REFERENCES AND ELECTRONIC RESOURCES

1. Alpatova, T.A. Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya [N.M. Karamzin's prose: the poetics of narrative] [Text] : monogr. – М. : MGOU publishing, 2012. – 559.
2. Anufriyev, A.Ye. Utopiya i antiutopiya v russkoy proze pervoy treti XX veka. Evolyutsiya, poetika [Utopia and antiutopia in the Russian prose of the first third of the XX century. Evolution, poetics] [Text] / Moscow State Pedagogical University : Dissertation of the doctor of Philology : 10.01.01. – М., 2002. – 381 p.

D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%B8_vol57.pdf (a date of access: 01.07.2014).

18. Odoyevskiy, V.F. 4338 god [4338 year] [Text] // *Vzglyad skvoz' stoletiya* (Russkaya fantastika XVIII i pervoy poloviny XIX v.) [Look through the centuries (Russian fiction XVIII and early XIX century)] / compiled by V. Guminsky. – M. : Young Guard, 1977. – P. 240–274.

19. Odoyevskiy, V.F. Gorod bez imeni [A city without a name] [Text] // *Vzglyad skvoz' stoletiya* (Russkaya fantastika XVIII i pervoy poloviny XIX v.) [Look through the centuries (Russian fiction XVIII and early XIX century)] / compiled by V. Guminsky. – M. : Young Guard, 1977. – P. 223–239.

20. Odoyevskiy, V.F. Sochineniya [Works] [Text] : in 2 vols. – Vol. 1 : Russian Nights. Articles. – M. : Imaginative literature, 1981. – 365 p.

21. Ponomareva, G.M. Utopiya i utopicheskoye soznaniye v kontekste russkoy kul'tury XIX – nachala XX veka [Utopia and utopian consciousness in the context of Russian culture of 19 – early 20th century] [Text] : the Dissertation of the doctor of Philosophy / Moscow Pedagogical Institute named after V.I. Lenin. – M., 1996. – 219 p.

22. Prikazchikova, Ye.Ye. Kul'turnyye mify i utopii v memuarno-epistol'noy literature russkogo Prosveshcheniya [Cultural myths and utopias in memoir-epistolary literature of the Russian Enlightenment] [Text] : avtoreferat of dissertation of the doctor of Philology: 10.01.01 / Ural State University after named A.M. Gorki. – Ekaterinburg, 2010. – 55 p.

23. Russkaya proza epokhi Prosveshcheniya: novyye otkrytiya i interpretatsii [Russian prose of the Enlightenment: new discoveries and interpretations] [Text] / ed. by E. Malek. – Łódź, 1996. – 234 p.

24. Russkiy i zapadnoyevropeyskiy klassitsizm. Proza [Russian and Western European classicism. Prose] [Text] / ed. by A.S. Kurilov. – M. : Science, 1982. – 391 p.

25. Sakulin, P.N. Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odoyevskiy. Myslitel' – pisatel' [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoyevski. Thinker – Writer] [Text]. – M. : M. and S. Sabashnikovs's publisjng house, 1913. – Vol. 1. – P. 1. – 622 p.

26. Sakharov, V.I. Russkaya proza XVIII–XIX vekov. Problemy istorii i poetiki. Ocherki [Russian prose of 18–19th centuries. Problems of history and poetics. The essays] [Text]. – M., 2002. – 216 p.

27. Sakharov, V.Ya. O zhizni i tvoreniyakh V.F. Odoyevskogo [On the life and works of V.F. Odoyevski] [Electronic resource]. – Access mode : http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_-f/text_0290.shtml (a date of access: 07.07.2014).

28. Terteryan, I.A. Romantizm [Literature Zapadnoy Yevropy pervoy poloviny XIX v.] [Romanticism [Literature of Western Europe in the first half of the XIX]] [Text] // *History of World Literature* : in 9 vols. / Institute of World Literature after named A.M. Gorki USSR SA. – M. : Science, 1989. – Vol. 6. – P. 16–27.

29. Fayzrakhmanova, A.A. Poetika russkoy literaturnoy utopii 1900–1910-kh godov: problemy zhanrovoy transformatsii v kontekste traditsii [Poetics of Russian literary utopia 1900–1910-ies: Issues of genre transformation in the context of tradition] [Text] / Birsky State Pedagogical University named after M. Akmuulla : The dissertation for the degree of the doctor of philology. – Birsk, 2011. – 216 p.

30. Shestakov, V.P. Eskhatologiya i utopiya: Ocherki russkoy filosofii i kul'tury [Eschatology and Utopia: Essays of Russian philosophy and culture] [Text]. – M. : VLADOS, 1995. – 207 p.

T.V. Fedossejeva, M.V. Goremykina

**UTOPIA AND ANTI-UTOPIA
IN W.K. KUCHELBECKER'S AND V.F. ODOYEVSKY'S PROSE**

The paper deals with the controversial issue of genre characteristics of utopian and anti-utopian fiction. It centers on the correlation of utopian and anti-utopian characteristics in romantic writers W.K. Kuchelbecker's and V.F. Odoevsky's literary works. The paper analyzes and compares W.K. Kuchelbecker's novels «European Letters» (1820) and «Land of Acephals» (1824) with V.F. Odoevsky's novels «4338 AD» (1835) and «The Nameless City» (1839). The paper focuses on similar and different features of the two writers' worldview. The paper maintains that the novels «European Letters» and «4338 AD», being utopian in character, depict the future of mankind through the prism of an idealized concept of Russia and focus on the image of a harmoniously developed personality. The novels «Land of Acephals» and «The Nameless City» are, on the contrary, anti-utopian. W.K. Kuchelbecker and V.F. Odoevsky seem to be convinced that practical realization of utopian ideas is impossible. The research shows the development of utopian and anti-utopian features in Russian romantic literature.

W.K. Kuchelbecker, V.F. Odoevsky, Russian prose of the 1820s–1830s, author's worldview, genre characteristics, «Mnemosyne», the image of Russia, literary utopia, rudiments of anti-utopia.